

Л. К. Дитерихс
Павел Федотов. Его жизнь и
художественная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175628

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	6
Глава I	10
Глава II	24
Глава III	44
Глава IV	66
Источники	88

Л. К. Дитерихс
Павел Федотов. Его
жизнь и художественная
деятельность

*Биографический очерк Л. К. Дитерихса
С портретом П. А. Федотова, гравированным в
Петербурге К. Адтом*

Предисловие

Печальна и тяжела участь русских талантливых людей. Довольно вспомнить имена Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Никитина, Кольцова, Шевченко, Иванова, Новикова, чтобы прийти к убеждению, что в нашем обширном отечестве не хватает, как это ни странно, места для людей, выдающихся из ряда; какова причина такого явления – объяснить трудно; общественные ли условия, отсутствие ли нравственной и умственной дисциплины, влияние наследственности, грубое отношение современников – мы не беремся судить. Для нас несомненен только тот факт, что большинство наших лучших людей жили и умирали недостаточно понятые и оцененные современниками. У князя Вяземского есть прекрасное стихотворение, в котором он выражает ту же мысль:

...И сколько уж имен прекрасных
Она отторгла от живых.
Исколько лир висит безгласных
На кипарисах молодых...

«Имена» эти «отторгнуты от живых» в самую лучшую пору, в период расцвета их сил и таланта и тогда, когда, казалось, ничто не могло помешать им сделаться еще более прекрасными во имя славы горячо любимой ими России, кото-

рая только после их преждевременной смерти обыкновенно догадывалась задним числом о том, каких людей она лишалась, при жизни не умея ни ценить, ни беречь этих своих дорогих сыновей, отравляя их существование или полной нищетой, или же пошлыми и недостойными мелочными придирками и преследованиями.

Сам Федотов, биографию которого мы даем теперь нашим читателям, придерживался того же взгляда на участь русских талантливых людей, когда писал в альбом М. А. Половцева четверостишие:

Все план за планом в голове...
Но жребий рушит эти планы...
О, не одна нам жизнь, а две
И суждены, и даны...

Жребий поистине неумолимый преследовал и этого человека и не сулил ему ни душевного спокойствия, ни обеспеченности, ни даже более достойной смерти: он умер забытый своими друзьями и недавними почитателями, одинокий, в сумасшедшем доме, на руках своего денщика, единственного человека, бывшего при нем во все время его мучительной болезни. Лишь после его смерти общество поняло всю серьезность его заслуг, тогда как при жизни на него смотрели только как на человека, способного развеселить и рассмешить.

Он первый из русских художников открыл для искусства

новую область, которой дотолде пренебрегали, и дал толчок ему, породив своим примером массу последователей в изучении русской жизни, русских типов, нравов и обычаев.

До него один только Венецианов пытался изображать эту жизнь, но так как это были только слабые попытки, притом несвободные от академической условности, а вследствие этого страдавшие отсутствием правды, – то, конечно, не Венецианова следует считать творцом русского жанра. Федотов бесспорно имеет все права на это звание и на тот почет, которым окружено его имя как творца «Сватовства майора», «Утра чиновника, получившего первый орден», «Разборчивой невесты», «Вдовушки» и других картин.

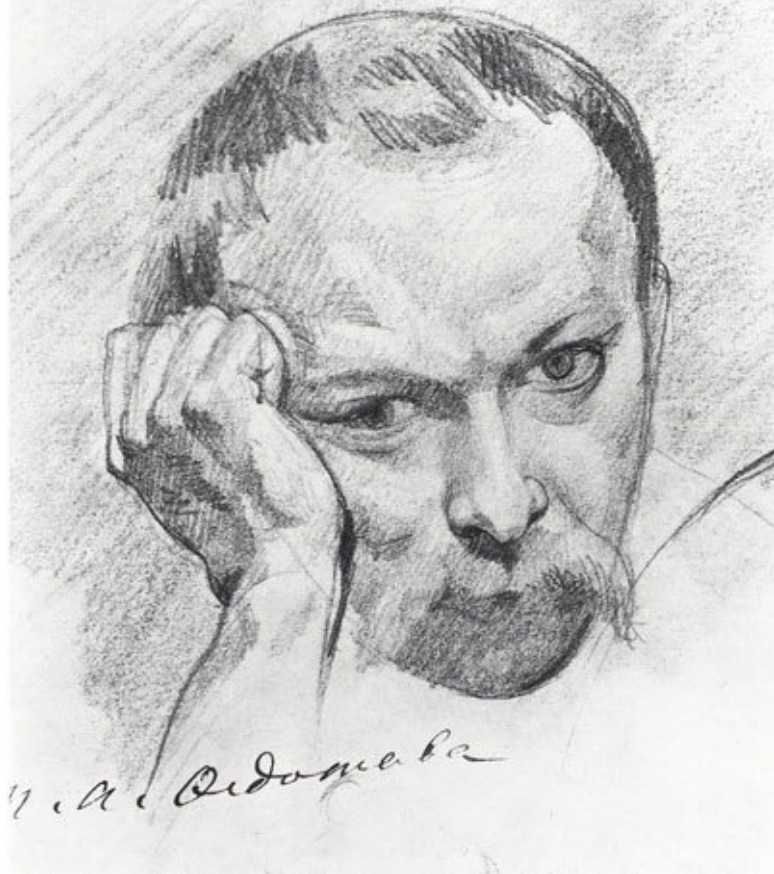
Важность этих картин в истории развития русской живописи уже осознана, и нужно только удивляться тому, что до сих пор нет в русской литературе обстоятельного труда, содержащего биографию самого художника и критическую оценку его художественной деятельности. Досаднее всего то, что, кажется, желанию иметь обстоятельный труд о личности Федотова не суждено осуществиться, так как все попытки (а они были) разбивались о трудности отыскивания материала, разбросанного по его многочисленным знакомым и приятелям, которые до сих пор, за исключением немногих случаев, не откликались на неоднократные призывы. Все сведения о нем исчерпываются двумя-тремя воспоминаниями его приятелей-однополчан да краткими рецензиями на его картины, помещенными в журналах и газетах того времени. На осно-

вании этих данных трудно восстановить цельный образ этого удивительного человека, предшественника и учителя Перова, Пукирева, Владимира Маковского и других представителей блестящей плеяды наших художников, поставивших русское искусство на один уровень с западным.

Поэтому и мы ничего нового сказать не можем, а ограничимся только тем случайным материалом, который дают нам все изданные воспоминания о Федотове. Постараемся быть наивозможно добросовестными, давая характеристику этого человека, оценку его художественной деятельности и его заслуг перед русским обществом и искусством.

Глава I

Детство. – Отец. – Семейная обстановка. – Полная свобода и отсутствие системы в воспитании. – Впечатлительность и наблюдательность ребенка. – Поступление в корпус. – Выдающиеся способности Федотова, его необыкновенная память. – Пристрастие к музыке, пению и рисованию. – Офицер лейб-гвардии Финляндского полка. – Первые шаги на художественном поприще. – Выход в отставку.

Федотов П.А. Автопортрет. Конец 1840-х гг.

Павел Андреевич Федотов родился в Москве, близ Красных Ворот, в приходе Харитония в Огородниках, в 1815 году, у весьма небогатых родителей. Семейство его состояло из старика-отца, замужней сестры с двумя дочерьми и другой, незамужней, жившей с отцом. Вот как сам Федотов рассказывал своему другу и однополчанину, Дружинину, о впечатлениях своего детства:

«Отец мой был воином екатерининских времен, который редко говорил о своих походах, но видел многое на своем веку. Рассказов его нельзя было слушать без особенного чувства: так отдаленно казалось время, к которому они относились, так изумительны оказывались лица и герои, им упоминаемые. Женат он был два раза: в первый – на пленной турчанке, во второй – на моей матери. Большое наше семейство помещалось в небольшом домике, и жили мы очень бедно, но пока отец мог служить, нужды особенной мы не испытывали. Старик был очень строг по службе, и часто, когда он возвращался домой из должности, за ним шел сторож с одной, а иногда с двумя парами сапог в руках. Сапоги эти, перевязанные бечевкой, кажется с печатью около узла, принадлежали нерадивым или нетрезвым писцам; снятые за наказание, они оставались в нашей квартире до утра и потом уже возвращались провинившимся. Честностью он обладал безмерною; но она, как у многих честных стариков, перенесших немало в жизни, облечена была в формы суровые, жестокие

и угловатые. Я помню, как один раз, заметив, что один из его родственников щеголяет какими-то дорогими вещами, отец стал упрекать его так угрюмо и резко, что бедный обладатель небольшого сокровища заплакал. Я думаю, что упрек отца был неоснователен, осуждаю его подозрительность, а за всем тем не могу не удивляться этой неумолимой, врожденной ему правдивости. Если бы я мог рассказать вам, при каких обстоятельствах произошла помянутая размолвка, вы бы еще вернее разделили мои чувства.

Федотов П.А. Портрет А. И. Федотова, отца художника, 1837

Зима обыкновенно проходила у нас довольно печально; но лето для нас было золотым временем года. Отдаленные улицы Москвы и теперь еще сохраняют колорит довольно сельский, а в то время были то же, что деревня. Любимым местом, где можно было резвиться с другими ребятами, был сенник, откуда, сверху, открывался вид на соседние дворы, а все сцены, на них происходившие, оказывались перед глазами наблюдателя как на блюдечке.

Сколько могу дать себе отчет в настоящее время, способностью находить наслаждение в созерцательных занятиях обязан я сеннику, скорее его верхней части. Жизнь небогатого, даже попросту бедного ребенка обильна разнообразием, которое почти что недоступно дитяти из достаточного семейства, развивающемуся в тесном кругу из своих родителей, гувернантки да двух-трех друзей дома, особ по большей части благовоспитанных, стало быть, не имеющих ничего особенно действующего на детскую фантазию. Возьмите теперь мое детство: я всякий день видел десятки народа самого разнохарактерного, живописного и, сверх того, сближенного со мною. Наша многочисленная родня, как вы можете догадываться, состояла из людей простых, неуглаженных светской жизнью; наша прислуга составляла часть семейства, болтала передо мной и являлась нараспашку; соседи были все люди знакомые; с их детьми я сходилась не на детских вечерах, а на сеннике или в огороде; мы дружились, ссорились и дрались иногда, как нам того хотелось. Предста-

вители разных сословий встречались на каждом шагу – и у тетушек, и у кумы отца, и у приходского священника, и около сенника, и на соседних дворах. Все, что вы видите на моих картинах (кроме офицеров, гвардейских солдат и нарядных дам), было видно и даже отчасти обсуждено во время моего детства: это я заключаю как по воспоминаниям, так и по тому, что, набрасывая большую часть моих вещей, я почему-то представлял место действия непременно в Москве. Быт московского купечества мне несравненно знакомее, чем быт купцов в Петербурге; рисуя фигуры добрых старых служителей, дядей, ключниц и кухарок, я, сам не знаю почему, переносю мыслью в Москву. Сила детских впечатлений, запас наблюдений, сделанных мною при самом начале моей жизни, составляют, если позволено так выразиться, основной фонд моего дарования».

В 1826 году, около десяти лет от роду, Федотов поступает в Московский кадетский корпус. Вследствие недостатка средств для домашнего воспитания сведения Федотова были очень ограничены, что, впрочем, благодаря его громадным способностям и памяти, а также любознательности, не мешало ему учиться хорошо, и скоро он становится лучшим воспитанником в классе, производится в унтер-офицеры, а в 1832 году – в фельдфебели. Любимыми его науками были математика и химия, но больше всего он занимался, освобождаясь от уроков, рисованием. Музыкаой он также занимался и состоял в корпусном хоре тенором-солистом. Несмотря на

свои способности к рисованию и уже тогда вполне определившуюся наблюдательность, в классных занятиях по рисованию он совсем не отличался и даже как будто пренебрегал ими лично для себя, работая исключительно для товарищей. Это не мешало ему, однако, слыть среди начальства и товарищей лучшим рисовальщиком в корпусе; его тетрадки и книжки были изрисованы по полям головами и фигурами всех, кто только попадался ему на глаза, причем сходство в большинстве случаев бывало разительное.

Память у Федотова была необыкновенная. «Если на экзамене или при повторении уроков мне случалось запомнить, – говорил он сам, – ту или другую подробность, одну или две фразы, мне стоило закрыть глаза на минуту – и все забытое, будто откуда-то выпрыгнув, являлось предо мною, как написанное на бумаге. Эта способность сохранялась еще несколько лет после моего выпуска; впоследствии память стала слабеть; в том я убедился очень хорошо, рассказав моему приятелю N. историю, уже слышанную им, и слышанную от меня же».

«Фантазия и воображение у Федотова играли существенную роль при занятиях и помогали ему превращать самые сухие предметы в ряд заманчивых сцен и положений. Для него история, какую бы она ни была, – была рядом драматических сцен в костюмах и с соответствующей обстановкой; география переносила его под чужое небо, к чудесам чуждой нашему краю растительности. Слушая военные науки,

он присутствовал при движении войск, участвовал в тяжких боях, осаждал крепости и выдерживал приступы».

В числе прочих наук он также любил заниматься литературой, как русской, так и иностранной, в особенности немецкой. Он переводил оды Елоиттона, который вместе с Виландом был его любимым поэтом. Эти занятия доставили ему несколько раз возможность говорить речи на немецком языке на корпусных актах. Впоследствии он пробовал писать свои собственные, оригинальные стихи (о них мы скажем в своем месте). Общая артистичность и талантливость натуры Федотова резко выделяли его среди толпы товарищей; жаль только, что в то время возле него не было человека, способного угадать эти художественные наклонности и направить их своевременно на истинную дорогу.

Благодаря своему живому, общительному и веселому нраву Федотов был общим любимцем в корпусе, и в особенности его любили товарищи, которым он помогал в занятиях. В 1833 году он кончил свое учение и, как первый по успехам в науках, был, согласно обыкновению, записан на мраморную доску и выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк. По выпуске из корпуса Федотов первое время закружился было в вихре петербургской жизни, но, не лишенный здравого смысла, скоро понял, что ему с его скудными средствами нельзя тянуться за товарищами и позволять себе расходы, превышающие его бюджет, без боязни запутаться в долгах, вследствие чего он, помирившись с суровой действи-

тельностью, обратился к серьезной деятельности. Он стал заниматься службой, а в свободные часы любил читать и зачерчивать в альбом виденное. Но это его не сделало нелюдимым; напротив, он очень любил общество, а его неистощимая веселость, способность увлекательно и живо рассказывать, как то было и среди корпусных товарищей, скоро превратили его в любимца полковой семьи офицеров. Он охотно знакомился с людьми, если эти знакомства были ему по карману и не вводили в излишние траты; делал он это из жажды наблюдений, так свойственной его артистической натуре, пополняя свой «основной фонд», начатый еще наверху московского сенника. В особенности он любил предпринимать для этой цели уединенные прогулки в отдаленные местности столицы или же наблюдать солдатский быт у себя в полку. Обогащая себя таким запасом наблюдений – от чиновника и барышни до солдата и прачки, – он стал еще усерднее заниматься рисованием, делая эскизы и наброски типов и сцен, им виденных. В то же время он старался учиться азбуке искусства, старался писать с натуры виды и портреты. Первыми ему служили окрестности казарм Финляндского полка, а для вторых он нашел сговорчивых товарищей, которые терпеливо позировали ему, находя, что «портреты, которые делает Федотов, всегда похожи». Это заставило его серьезнее взглянуть на свое рисование, чему помогли также случайные встречи с учениками Академии художеств, которые посоветовали ему посещать вечерние классы Академии, что он и

исполнил сейчас же. Он усердно посещал вечерние классы, занимаясь рисованием ушей, носов и других частей человеческого тела, то есть изучая простую азбуку искусства. С редким упорством он просиживал над этими ушами и носами, стирая и рисуя их до тех пор, пока не оставался доволен правильностью рисунка; выслушивал все без исключения замечания, отказывался от рисования более трудных предметов, когда еще не чувствовал в себе достаточно силы справиться с ними. В это время он стал часто посещать Эрмитаж, где в особенности его внимание привлекали к себе маленькие картинки голландских и фламандских художников: Остаде, Тенирса, Г. Дау, Брауэра; он долго вникал во все тонкости композиции и техники и, возвращаясь домой, с увлечением рассказывал об этом товарищам. Этот факт достоин внимания, поскольку показывает, что (хотя сам Федотов и смутно это сознавал) наклонности и инстинкт уже тогда влекли его к этим художникам, так сродным его артистической натуре, требовавшей от картины прежде всего правды и жизненности.

Не довольствуясь занятиями в Академии, он продолжал пополнять свой альбом, запечатлевая в нем сцены из казарменной жизни, быт солдат, рисуя карикатуры на товарищей, что не мешало ему быть с этими предметами таких его остроумных карандашных шалостей в хороших приятельских отношениях. Репутация его как хорошего портретиста скоро стала распространяться за пределы полка, и он стал полу-

чать заказы от эстампных магазинов Дациаро, Бегрова и др. В особенности хорошо ему удавался портрет великого князя Михаила Павловича, заказы на который так и сыпались, так что он еле-еле успевал удовлетворять их. Военный быт, как наиболее знакомый художнику-офицеру, занимал его в это время больше всего, и он, не довольствуясь эскизами и набросками, захотел испытать себя на каком-нибудь более сложном и законченном сюжете. Он остановился на картине «Прибытие дворцового гренадера в свою бывшую роту Финляндского полка». Друг и товарищ Федотова, А. Дружинин, в своих записках о нем чрезвычайно хвалил как композицию, так и рисунок этой картины, которая не была доведена до конца только потому, что в это время Федотову представился случай начать новую, более сложную картину. Великий князь Михаил Павлович, возвратясь летом 1837 года из-за границы в Петербург, посетил красносельский лагерь, где войска встретили его с необыкновенной восторженностью; это-то и дало повод Федотову начать новую картину, которую он исполнил акварелью и на которой поместил сверх портрета великого князя портреты многих других лиц. По совету своего полкового командира он представил эту картину великому князю и получил за нее брильянтовый перстень. Вскоре после этого он начал новую, тоже акварельную картину – «Освящение знамен в возобновленном дворце», – но, получив какую-то командировку, должен был бросить ее наполовину оконченной. После этой командировки, когда ве-

ликий князь сделал смотр всему полку и так остался доволен им, что обещал офицерам полную свою поддержку, Федотов воспользовался случаем и через полкового командира просил великого князя о выдаче ему пособия на художественные нужды. Великий князь потребовал его во дворец с начатой картиной, ободрил художника и приказал оставить картину у себя, сказав, что доложит обо всем государю. Через некоторое время была получена следующая резолюция: «Государь Император, удостоив внимания способности рисующего офицера, Высочайше повелеть соизволил предоставить ему добровольно оставить службу и посвятить себя живописи, с содержанием по 100 рублей ассигнациями в месяц, и потребовать от него письменного на это ответа».

Такое решение поставило Павла Андреевича перед большим затруднением: он еще сильно сомневался в себе и не был уверен в размере своего таланта. С кем советоваться? Кому доверить свои сомненья? Долго он думал и наконец пришел к убеждению, что никто лучше не может разрешить эти сомненья, как «великий» и «гениальный» творец «Помпеи», К. П. Брюллов. И вот, забравши с собой лучшие из своих рисунков, он отправился к Брюллову и просил откровенно сказать ему, стоит ли, судя по его наброскам и эскизам, бросать службу и посвятить себя исключительно искусству. Брюллов одобрил эти опыты, но не счел возможным скрыть от Федотова всю рискованность выхода в отставку, сказав, что, несмотря на весь талант, Федотову недостает техники и

что она в его годы дается чрезвычайно трудно.

Эти наставления он закончил советом повременить с окончательным решением, а покамест испытать себя более серьезным образом. Обдумав все это, Федотов подал по начальству рапорт, в котором просил позволения продолжать службу с тем, чтобы предоставленное ему высочайшее право оставить ее было сохранено за ним в течение года или полутора лет.

С этого времени он начинает серьезно испытывать себя и думать о перемене своего положения, к чему его приводит невозможность совместить службу и занятия искусством, так как в это время служба по полку увеличилась для него вследствие того, что он был уже назначен ротным командиром и времени для занятий искусством оставалось в его распоряжении очень мало. Все это заставляет его решиться на окончательный шаг и просить об увольнении в отставку; в январе 1844 года он получает соответствующее разрешение, снимает эполеты и надевает штатское платье, сохранив при отставке чин капитана гвардии и получив право оставить у себя в услужении своего «друга и слугу», денщика Коршунова. Перед выходом в отставку Федотов по заказу наследника цесаревича исполнил две картины из военной жизни: «Бивак лейб-гвардии Павловского полка» и «Бивак лейб-гвардии Гренадерского полка».

Глава II

Несколько слов о состоянии русского искусства до Федотова. – Его материальное положение и жизнь после отставки. – Занятия батальной живописью. – Письмо Крылова открывает Федотову настоящее его призвание. – «Утро чиновника, получившего первый орден». «Разборчивая невеста». – Выставка в Академии. – Восторг Брюллова и покровительство Академии. – Назначение программы на звание академика. – «Сватовство майора». – Успех этой картины среди публики. – Популярность Федотова. – Стихотворное объяснение к этой картине, написанное самим художником. – Увлечение Хогартом и Уилки. – Значение Федотова как моралиста и нравописателя.

Федотов П.А. Не в пору гость (Завтрак аристократа). 1849—1850. Фрагмент

Прежде чем продолжать биографию Федотова, необходимо сказать несколько слов о том, в каких условиях находилось тогда русское искусство, каким идеалам оно служило и какими принципами руководствовалось.

Перенесенное к нам с запада итальянское искусство, сначала приспособленное у нас главным образом для религиозных целей в виде так называемого фряжского письма, а потом, с открытием Академии художеств (и даже раньше), служившее для изображения военных и аллегорических картин, прославляющих всевозможные доблести и подвиги славного века Екатерины и Петра, понятно, не могло влиять на массы и, так сказать, ничего не прибавляло к развитию их, не воспитывало в них национального духа.

Направленное требованиями века большей частью в религиозную сторону, и притом в сторону религиозных изображений, вполне непонятных – как нечто отвлеченное – большинству общества, итальянское искусство привилось и поддерживалось главным образом среди духовенства и богатой знати, оставляя в стороне жизнь, быт, нравы и типы того народа, среди которого оно развивалось. Величайшие мастера итальянских школ очень редко и неохотно брались за сюжеты, касающиеся современного им общественного строя, несмотря на то что перед их глазами проходили величайшие события жизни Италии; мы не хотим этим умалить громадных заслуг этих мастеров перед искусством; они дали по-

следующим поколениям художников ясное понимание формы, выработали эстетические принципы, пластику и рельеф – одним словом, дали ту азбуку искусства, которой перед ними никто не знал, которую мы теперь пользуемся и которую изучаем как необходимое подспорье. Но не нужно забывать, что в деле искусства это еще не цель, а скорее средство для его развития и процветания.

Молодое русское искусство, питаясь исключительно итальянскими образцами, долгое время не могло выбиться на самостоятельную дорогу и принять свой настоящий облик, отличающий его от искусства других наций. Оно жило интересами высших сфер, интересами государственных соображений, сюжетами военных геройств и если опускалось до изображения повседневной жизни, то изображало ее так, что русского там были только одни костюмы и внешняя обстановка, а внутреннее действие, характеры действующих лиц были настолько же русские, насколько и французские, немецкие, китайские или какие угодно; оно изображало вообще людей, без характерных признаков принадлежности к какой-нибудь нации, а последнее и не давало ему принять тот облик, который оно приобрело только благодаря появлению Федотова, благодаря его наблюдательности, а главным образом – его правдивости.

Чем более развивается общественное сознание, тем более констатируется в литературе, науке и искусстве поворот к народным, национальным формам. Черты народного характе-

ра, особенности сословных различий, самые предрассудки, поверья, обычаи, привычки, забавы – все, на что до того не обращалось внимания, изучается очень подробно, сличается с однородными фактами разных местностей и подвергается беспощадному анализу. Явления прошедшей жизни, освещенные лучом исторической критики, тем самым получают более верный колорит. И если в настоящее время у нас есть наше искусство с русским взглядом на явления русской жизни – то таким взглядом, вполне здоровым и правильным, мы обязаны Федотову. До него мы буквально затрудняемся назвать какую-нибудь попытку такого рода – со сколько-нибудь серьезным изучением русского быта и русских типов. Правда, были попытки, даже со стороны самой Академии, создать что-то вроде русского жанра, но все они были до того слабы, до того отзывались условностью и холодным, заученным отношением, что не могут идти в расчет. Орловский с его пляшущими мужичками, Акимов и Лупанинов с их ратниками, уходящими на войну, – все это было далеко от настоящей правды и понимания целей русского искусства. Венецианов еще может приниматься в расчет как довольно крупная величина в истории развития русского искусства, но ему не хватало наблюдательности, и в его лучшей картине «Причащение умирающей» мы сталкиваемся с такими бросающимися в глаза несуразностями, которые трудно понять. Рядом с прекрасно написанными, живыми типами дьячка и священника мы видим полную условность и академичность в компози-

ции, в фигурах и выражениях лиц как самой умирающей, так и окружающей ее толпы крестьян-родственников. Венецианов был мелкий помещик, и теперь кажется странным, что ему не было доступно понимание русского быта, поскольку, используя свои помещичьи привилегии, он мог бы развить в себе и наблюдательность, и знание. Недостаток наблюдательности, несмотря даже на продуманные композицию и выбор сюжетов, убивает все значение этого живописца, и за ним остается одна только слава – обладателя развитой техники, в которой трудно, да и невозможно, отыскать душу и сердце художника, его субъективное отношение к выбранной задаче. Все гладко, прилично, ничто не режет глаз, красиво даже, но... нет ни правды, ни согревающего чувства, и вообще все ложно, как в самой живописи, так и в отношении к сюжету!

В это-то время и появляется на горизонте русского искусства П. А. Федотов и, поддержанный такими корифеями, как Брюллов и Крылов, начинает свою художественную карьеру, обратившись исключительно в сторону изучения и наблюдения русского быта.

Итак, для Федотова началась новая жизнь, с новыми целями и задачами. Он не обманывал себя относительно большой трудности этих задач, относительно того, что цель, к которой он стремится, еще слишком отдаленна. Но он знал, что он должен работать, не боялся этой работы и потому верил, что цель будет достигнута, несмотря на множество препятствий.

С выходом в отставку Федотов должен был довольство-

ваться скромным содержанием, назначенным ему государем, и из этой суммы, в которую входили также расходы по содержанию его семьи в Москве, ему предстояло выкраивать средства не только на свою жизнь, но и на художественные работы и материалы. Маленькие заказы, которые он имел, мало помогали ему в этом отношении. Он занял небольшую, из двух комнат, квартиру, – в одной комнате он устроил себе и мастерскую, и спальню, в другой поместил своего верного Коршунова. Обедал он за пятнадцать копеек в кухмистерской, одевался более чем скромно. В первое время он долго не мог решиться избрать себе какой-нибудь род живописи; инстинкт и врожденная симпатия к сатире и жанровой живописи влекли его на эту дорогу, но требования жизни и увеличивающаяся нужда большого семейства в Москве толкали его в сторону батальной живописи, которая в то время сильно поощрялась. Последнее соображение сначала одержало было верх, и он стал посещать классы батальной живописи профессора Зауервейда, где изучал анатомию и движения лошади. К этому времени относятся его рисунки акварелью «Французские мародеры в деревне», «Вечерние увеселения в казармах», «Казарменная жизнь» и много других. Но занимаясь военными сценами, он в то же время не бросал и иных своих попыток, рисуя сцены и типы нравственно-сатирические. Несколько таких рисунков попались на глаза нашему знаменитому Крылову, и старик, со свойственной ему прозорливостью сразу угадав призвание Федотова, написал

ему письмо, в котором просил его развивать в себе именно такого рода наблюдательность и симпатию к воспроизведению будничных сцен.

Это письмо подействовало на Федотова и раскрыло ему глаза на его настоящее призвание. В голове его быстро созрело несколько сюжетов, и, засева за работу, он через девять месяцев кончил свою первую картину – «Утро чиновника, получившего первый орден». Через некоторое время он завершил и вторую – «Разборчивая невеста». Обе эти картины он представил на суд Академии и со страхом ждал ее решения. Страх этот был вполне основателен, так как не нужно забывать, что с выходом в отставку Федотов сжег свои корабли, а неизвестность будущего и крайне тяжелое положение в настоящем сильно его тревожили и волновали. Поэтому радости его не было границ, когда однажды, через несколько дней после представления картин в Академию, верный Санчо Панса, Коршунов, доложил ему, что ученик Академии Баскаков спрашивает его от имени Карла Павловича Брюллова, который желает его видеть. Понятно, что Федотов тотчас собрался к Брюллову. Брюллов принял его с распростертыми объятиями и громогласно признал в нем несомненное огромное дарование; за этим последовало и признание всего синклита профессоров Академии. Кому-либо другому такие похвалы могли бы оказать вредную услугу, но для Федотова они были лучшим толчком к еще более усиленной работе.

Федотов П.А. Бивуак лейб-гвардии гренадерского полка (установка офицерской палатки) 1843

После вторичного посещения Брюллова Федотов остановился на сюжете, который лег в основу картины «Сватовство майора». Совет Академии, по представлению Брюллова, решил, что этот сюжет должен быть исполнен Федотовым для получения степени академика, и, зная, что наш художник

сильно стеснен материальными средствами, ходатайствовал перед президентом Академии о выдаче Федотову семисот рублей ассигнациями для исполнения этой картины.

Чтобы понять, до какой степени был велик этот труд, нужно было знать необыкновенную добросовестность Федотова и его глубокое отвращение к рисовке предметов из головы, то есть без натуры перед глазами.

Федотов принялся разыскивать натуру. Ему нужны были и комнаты, и действующие лица, и аксессуары, и вот он, занятый отыскиванием всего этого, с утра до ночи расхаживал по Петербургу, знакомился с купцами, ходил к ним в гости, присматривался, списывал и срисовывал все, что только подходило к его картине. Но главная трудность заключалась в том, чтобы найти подходящий тип старика-купца. Федотову это долго не удавалось, пока наконец он не встретил подходящего человека и не уговорил позировать ему.

Старух, горничных и сидельцев он разыскивал на Толкучем и Андреевском рынках; знакомый офицер терпеливо стоял для него в позе бравого майора; одним словом, в этой картине все до последней мелочи, до разноцветных стеклышек на люстре, до пирога и бутылки шампанского на подносе, – все было предметом серьезного изучения.

Нет ничего удивительного, что публика, воспитанная совсем на других образцах, пришла в полный восторг от такой правдивости в передаче этих подробностей; но главным образом ее подкупило то общее настроение, с сильной дозой

сатиры, которое было разлито во всей картине. Она до такой степени верно передавала подробности и общий смысл сцены приезда жениха-майора в купеческий дом, что оставляла глубокое впечатление у зрителей. Этому способствовало еще и то, что Федотов иногда на выставке, подражая раешнику, сам объяснял сюжет своей картины, читая стихи собственного изделия. Эти стихи не отличались особенными достоинствами в смысле формы, но зато веселость и сатира в них были ключом:

Честные господа,
Пожалуйте сюда;
Милости просим,
Денег не спросим.
Даром смотри!
Только хорошенько очи протри.
Начинается,
Починается,
О том, как люди на свете живут,
Как иные на чужой счет жуют!
Сами работать ленятся,
Так на богатых женятся...

После такого предисловия Федотов описывает купеческий дом, «всего вдоволь в нем», и затем переходит к самому хозяину-купцу, которого «взманила, вишь, честь, не хочу, мол, зятей с бородами, как заслуженный зять, уж не та

будет знать, мне по крайности дай хоть майора...» И вот такой майор находится. Панкратьевна-сваха – «бессовестная привираха» – отыскивает жениха и привозит его в дом к купцу. В доме начинается содом, все спешат навстречу, купец не может сладить с сюртуком, пыхтит и отдувается, а наша невеста «не найдет сдуру места»:

Мужчина чужой!
– Ой, стыд-то какой!
Никогда я с ними еще не бывала!..
Гость заводит, чай, речь;
Ай, ай, ай, срам какой!
А тут нечем скрыть плеч...

И вот наша невеста решается убежать к себе в светелку, но не тут-то было... Умная мать

За платье хватать.
А вот извольте посмотреть,
Как в другой горнице
Грозит новая картина горлице.
Как жених толстый, бравый
Крутит свой ус:
Я, дескать, до денежек доберусь!

Затем следует, все так же в стихах, описание комнатной обстановки:

Посреди висит
Муж сед и именит,
А по сторонам висят двое —
Наши знаменитые герои:
Один – батюшка Кутузов,
Что первый открыл пятки у французов,
А Европа сначала
Их не замечала! Другой —
Герой,
Кульнев, которому, во славу и честь,
Даже у немцев крест железный есть.

Продолжение идет все в том же роде: упоминается «Иловыйский на коне, казацкий хлопчик, французов топчет», затем на правой стене «хозяйский портрет, в золотую раму вдет», «кошка рыльце умывает, гостя в дом зазывает», и кончается:

А что, господа, чай устали глаза!
Не оставить ли до другого раза?
Извольте проститься и по домам расходиться.

Как видно, стихотворение сильно страдает несовершенством формы, но этот недостаток искупается вполне и с избытком мыслью и внутренним содержанием. Федотов, впрочем, сам знал, что его стихи не блещут размером и рифмой, и адресовал по этому поводу своим строгим критикам стихотворение, озаглавленное так:

К моим читателям,
Стихов моих строгим разбираателям.

Вот что он говорит:

Кто б ни был, добрый мой читатель,
Родной вы мой или приятель,
Теперь я вас хочу просить
К моим стихам не строгим быть,
Хоть я давно ношусь с пером, —
Да то перо, что носят в шляпе.
А что писатель держит в лапе,
Я с тем, ей Богу, не знаком
И не пускаюсь в сочиненья,
А уж особенно в печать.

Затем он объясняет причину этого:

Отец, судьба и мать
Заставили меня маршировать,

и прибавляет, что он «спокойно десять лет»

Был занят службой гарнизонной.
Вот довод, кажется, резонный,
Что не могу я быть поэт...
Забудешь всех, и Аполлона,
Идевать Муз, и весь Парнас! —

Нет, некогда мечтать у нас.

Популярность Федотова как художника началась с картины «Сватовство майора», появившейся на выставке 1848 года; раньше ее, в 1847 году, были выставлены две картины: «Утро чиновника, получившего орден» и «Горбатый жених». Все три чрезвычайно характерны и до такой степени верны действительности, что, немудрено, произвели большую сенсацию как в художественном мире, так и среди публики.

Вот как описывает друг и сослуживец Федотова, Дружинин, впечатление, произведенное этими картинами:

«Имя Павла Андреевича гремело по городу. Его сослуживцы и друзья находились в полном восхищении. Я бросился в Академию и увидел в одной из боковых зал великие толпы народа. Все пространство от картин до двери было запружено любопытными: едва-едва, с помощью лорнета и приподнявшись на цыпочки, успел я усмотреть за толпою картины, столь мне знакомые. Художник Б., стоявший около, передал мне все интересовавшие меня подробности о первых днях выставки и о том, как далеко разлилась слава нашего общего друга. От него же я узнал, что сам Федотов часто бывает в зале и прислушивается к суждению посетителей. В самом деле, через несколько минут предстало перед нами веселое, но значительно постаревшее за лето лицо Павла Андреевича.

Федотов провожал каких-то дам и, несмотря на все свои усилия, не мог пособить им пробраться к картинам через сплошную массу зрителей. Устав и досадуя на свою неловкость, он пустил в дело последнее средство.

– Господа, – сказал он, тронув двух или трех человек из заднего ряда, – пропустите на минуту автора.

При этом посетители почтительно раздвинулись и дали дорогу дамам».

Такая слава была для Федотова дорогим оружием, вырванным им у судьбы путем долгих и упорных стараний и борьбы. Он знал ей цену и строил планы о том, как посредством своей деятельности будет перевоспитывать общество, как передаст этому обществу любовь к правде, которая жила у него в груди. Для этой цели он хотел ехать в Англию изучать Уилки и Хогарта, двух живописцев, наиболее родных ему, и в разговорах с друзьями проектировал много картин, которые, к сожалению, не только не были им написаны, но даже содержание которых не сохранилось для потомства. А это очень жаль, так как оно прибавило бы многое к тому скудному материалу, который мы имеем, и дало бы возможность вернее судить о личности и характере Федотова.

Содержание картины «Утро чиновника, получившего первый орден» («Утро после пирушки, или Свежий кавалер»), следующее: новый кавалер утром, после пирушки, нацепив на халат орден, горделиво стоит перед кухаркой, показывающей ему прорванные сапоги, которые не на что по-

чинить, так как, вероятно, все жалование ушло на вчерашнюю попойку, следы которой видны в комнате в виде обедков и осколков, валяющихся на полу, под столом валяется один из приятелей хозяина, не успевший еще протрезветь. Другая картина, «Разборчивая невеста», вероятно, навеяна одноименной басней Крылова. На коленях перед перезрелой девой стоит горбатый жених, с жаром изъясняющий ей свои чувства; в дверях комнаты видна мать, радостно говорящая что-то мужу, который, стоя сзади, широко крестится. Выбор сюжетов, как можно видеть, вполне хогартовский, и не раз Федотов серьезно увлекался в разговорах с приятелями своей ролью иллюстратора и исправителя нравов. Действительно, в этом отношении он, окрыленный желанием добра и вооруженный талантом, а главное уже признанным авторитетом, мог кое-что сделать. Тот факт, что эти картины, по свидетельству современников, привлекали такую массу публики, говорит о том, что они были для нее именно откровением, что публика зачастую видела в изображенных лицах самое себя, и вполне вероятно, что в душах многих эти картины будили чувства очень знакомые, которые приходилось самим переживать. За несколько карикатурным изображением действующих лиц публика видела большую долю правды, и если бы это от нее зависело, то, конечно, Федотов продолжал бы свою деятельность, не будучи поставлен в необходимость заботиться о мелочах жизни в то время, когда в голове его зрели новые и новые планы, открывались широкие го-

ризонты и виднелась благороднейшая цель; но, к несчастью, благосостояние Федотова зависело не от публики, а поэтому его роль нравописателя должна была кончиться скорее, чем можно было ожидать; притом мы имеем право думать, что такая роль не особенно нравилась в тех сферах, от которых зависело благосостояние художника. Задача, поставленная Федотовым перед собой, была слишком смела для того времени.

Многие не соглашались с Федотовым в том, что роль, взятая им на себя, привела бы к желанной цели, объясняя свое несогласие тем, что уроки, даваемые Федотовым обществу, отнюдь не откровение для последнего, что все это может сказать гораздо лучше даже бездарный писака, что прямая цель Федотова – служить красоте и изяществу. Но они, эти поклонники красоты и изящества, забыли, что этим двум кумирам служило несколько поколений художников, которые ни на одну минуту не забывали об этих спутниках искусства, и несмотря на это, общество вообще мало было подготовлено к пониманию этой красоты, так как в большинстве случаев девяносто человек из ста не имели никакого представления о той красоте, о которой так хлопотали и Академия, и эти ценители, и что самый успех картин Федотова явно противоречит их теориям. Да и что, собственно говоря, можно назвать красивым и изящным? То, что одному нравится, то другой отвергнет; то, что у одних прилично, перед тем дру-

гие будут краснеть. *De gustibus non disputandum est.*¹ Появление Федотова и его художественная деятельность были как бы протестом против того состояния русского искусства, в котором оно находилось, и были логическим следствием такого состояния. Живопись должна была вырваться из оков и найти новые пути для себя, тем более что литература уже четверть века как выбралась на новую дорогу и, несмотря на массу препятствий, завоевала мало-помалу право гражданства. Нужно было только удивляться, что живопись так долго не решалась следовать по стопам своей старшей сестры.

Биографы Федотова уверяют, что он был вполне равнодушен к Пушкину и Гоголю, что он их совсем не понимал. Нам это кажется очень странным, в особенности относительно Гоголя, талант которого был очень сродни таланту Федотова. Юмор и сатира Гоголя затрагивали именно те самые стороны общественной жизни, которых касался в своих картинах и Федотов. Их связывала одна общая черта: ярко выраженная национальность, – и казалось, такого рода общность могла бы действовать привлекающим образом; между тем мы имеем факты, противоречащие таким предположениям! Мы затрудняемся определить причину такого равнодушия Федотова к двум корифеям нашей литературы, да, собственно говоря, это и неважно; важно то, что он вполне самостоятельно, не подчиняясь никакому влиянию, шел в живописи по тому же пути, по какому в изящной литературе шли эти два

¹ О вкусах не спорят (*лат.*).

русских гиганта.

Глава III

Обстановка квартиры. – Домашняя жизнь Федотова. – Его характер. – Любовь к детям. – Наружность. – Отношение к искусству и жизни. – Взгляды его на некоторые вопросы. – «Болезнь и смерть Фидельки». – «Модный магазин». – Намерение издавать художественно-литературный листок. – «Мышеловка». – «Художник, женившийся без приданого». – Альбом А. И. Бегрова. – Альбом А. И. Сомова. – Коллекции Жемчужникова, Званцова и Дружинина. – «Крестины». – «Утро обманутого молодого». – Отношение критики и публики к произведениям Федотова. – Брюллов как покровитель Федотова.

По рассказам современников, Федотов обладал неистощимым остроумием и веселостью. Все, кто его знал, все его товарищи и сослуживцы в один голос свидетельствуют о его доброте, нежном, отзывчивом сердце. К окружающей обстановке и своей внешности Федотов относился очень равнодушно. Квартиру он всегда нанимал очень маленькую, из одной-двух комнат, с маленьким чуланчиком, в котором помещался его верный Коршунов. В большой комнате он устраивал себе мастерскую. Везде, по всем углам стояли и лежали папки, альбомы, гипсовые слепки рук, ног. у среднего окна помещался мольберт с начатым эскизом или картиной; окна

были наполовину задернуты снизу, и на подоконнике стояли ящики с красками, пузырьки и баночки. Чуланчик, отданный во владение Коршунову, украшался им до самого потолка лубочными картинками, причем Коршунов всегда говорил посетителям, что и он, по примеру барина, занимается искусством. Тут же помещалась и маленькая библиотека, в которой можно было найти Винкельмана, английские учебные книжки, Кантемира, какой-нибудь журнал екатерининских времен, рукописную поэму. Все это перечитывалось Федотовым, но в особенности он любил Крылова и Лермонтова, стихи которого называл «песнями богатыря в минуту скорби неслыханной».

Домашняя жизнь Федотова шла ровно, как заведенные часы. Вставал он очень рано, выпивал стакан полугорячего чая, затем обливался холодной водою и шел гулять, или, вернее, толкаться между людьми и делать наблюдения. Эти наблюдения доставляли ему массу наслаждений и служили неисчерпаемым источником для рассказов. Иногда он забирался в какое-нибудь захолустье Петербурга, например в Гавань, знакомился с тамошними обитателями, совершал с ними прогулки по взморью, ухаживал за тамошними Евами и возвращался домой, обремененный новым запасом наблюдений. Любил останавливаться подолгу под окнами трактиров, заводить речи с простонародьем, уговаривал понравившегося субъекта зайти к нему и тут же, между чаем и разговором, набрасывал в свой альбом его портрет, зачерчивал ха-

рактурную позу. Чтобы подметить что-либо особенное, нужное ему, Федотов готов был пройти огромное расстояние, следуя за намеченным субъектом. Так, однажды он долгое время преследовал какого-то провинциала в зеленом картузе и не успокоился до тех пор, пока не запомнил всех особенностей этого лица.

«Сам просится на картину, – говорил он обыкновенно в таких случаях, – грешно упускать его, не попытавшись зачертить хоть на память».

Возвратясь домой, Федотов садился за работу и не отходил от мольберта часов шесть или семь. В три часа он одевался, чтобы идти к кому-нибудь в гости, но редко где оставался обедать. В пище был очень умерен, вина почти не пил и если хлебосольный хозяин упрашивал его выпить, то отговаривался слабостью глаз, которые у него болели вследствие постоянных и усиленных занятий. Лечиться он не любил и никогда не слушался докторов; послеобеденный сон считал лучшим лекарством для себя и вследствие этого обедал только у тех из своих знакомых, у которых он мог, не конфузясь, всхрапнуть часик или полтора после обеда.

Характер у Федотова был чрезвычайно ровный и спокойный. Он очень любил детей и часто говаривал, что без детей и жизнь не в жизнь, что их беготню, крики и даже ссоры он очень любит и будет несчастен, если его лишат этого удовольствия. Можайский в своих воспоминаниях о нем в следующих чертах описывает его любовь к детям: «Мы встре-

тились с ним в доме его товарища по корпусу, а моего родственника. „У меня сегодня будет Федотов, – сказал мне мой родственник, – познакомься с ним хорошенько: он – человек оригинальный и истинный талант“. Я с нетерпением ожидал гостя, и действительно вечером пришел Федотов со своей дальней Васильевской линии. Когда он вошел в залу, по ней ходила кормилица с ребенком. Федотов сейчас же подошел к малютке, взял ее ручку и начал рассматривать запястье пухленькой детской руки, как будто перевязанное ниточкой. „Посмотрите, – сказал он мне, когда я подошел к нему, – что это за милашка! Зачем же ты себе ручки ниточкой перевязываешь? Или это ты, матушка, занимаешься?“ – „Это Бог так перевязал“, – сказала, смеясь, мамка. Федотов нагнулся и внимательно, с умилением рассматривал каждый пальчик и каждую жилку; то целовал руку, то, держа ее в своей, поворачивал в разных направлениях, следя за движением мускулов. „Не могу не любоваться... люблю детей, что за прелесть всякий ребенок!“»

Наружность Федотова была довольно привлекательна. Он был среднего роста и довольно плотен; силой физической никогда не хвастался, но был, по рассказам современников, очень силен. (Так, во время его последней болезни, в сумасшедшем доме, он в порывах бешенства вырывал гвозди руками из стен и, когда ему связали руки, продолжал вырывать их зубами). Особенную прелесть придавала ему добрая, иногда меланхолическая улыбка.

Федотов имел необыкновенную способность рассказывать самые смешные вещи очень серьезно, не улыбаясь. Говорил он очень хорошо, увлекательно и до такой степени живо описывал лица и сцены, подчас немного карикатурно, что слушатели его как будто сами присутствовали при этих сценах, видели эти лица.

Отношения его к товарищам по искусству были чужды всякого рода зависти и неприязни: он искренно радовался их успехам и печалился, если замечал у кого-нибудь падение таланта или если кто-нибудь умирал. «Вот еще одна потеря для русского искусства, – говорил он, узнав о смерти Ставассера, – и потеря очень чувствительная». При этом он рассказывал о том, каков был художник и как жрец искусства, и как человек.

Но, будучи терпимым и добрым, он редко прощал своим сотоварищам их измены раз принятому направлению в искусстве. Искусство было для него второй бог, служить которому нужно было с чистой душой, не боясь ударов судьбы, уколов самолюбию и бедности. В этом отношении он являл собой лучший образчик мужественного борца с судьбою. Его никто никогда не видел жалующимся на лишения и бедность, и, по словам Дружинина, никому и в голову не приходила возможность услышать от него такие жалобы, между тем многие знали, что Федотову частенько приходилось не сладко.

Такова была его сила воли и гордость, что он ни разу не

показал, как трудно ему бороться с жизнью!

Отношение его к различным жизненным вопросам было всегда связано с тем, насколько они помогали или мешали его служению искусству в том виде, как он понимал его, а служение искусству он не отделял от служения правде и идее. В этом отношении достоин внимания его отзыв о браке и вообще о любви к женщине. Он всегда думал и говорил, что эти две вещи, любовь к искусству и любовь к женщине, несовместимы. «Моей жизни не хватит, – говорил он, – отдаваться одновременно и искусству, и любимой женщине». Когда после громкого успеха его картин одна богатая и вполне свободная девушка, увлеченная его успехом, намекнула о своей готовности отдать ему свою руку, он наотрез отказался. Хотя более чем вероятно, что другой на его месте не только не отказался бы, но обеими руками ухватился бы за представившуюся возможность покончить с жизнью впроголодь и перейти на сытую и привольную.

Он хотел быть обязанным только самому себе и не желал поступаться ни своей свободой, ни тем более идеями даже в угоду любимому человеку. Это черта чрезвычайно редкая в наше время, тем более что по своим внутренним качествам он был бы прекрасным семьянином.

В то время когда Федотов был занят своей картиной «Свадьба майора», он сделал несколько эскизов других картин. Однажды, читая какой-то старый разрозненный журнал, он наткнулся там на фразу: «Если барыня не в духе, это

значит, что ее моська больна». Федотов улыбнулся, и через некоторое время на тему болезни барыниной собаки были сделаны два эскиза сепией.

Первый из этих эскизов изображает мать семейства, во время утреннего чая заметившую, к своему ужасу, что Фиделька, ее любимая собачонка, заболела. Самовар и чашки торопливо снимают со стола на пол и на стулья, и на их место кладется мягкая подушка, а на нее – собачонка; барыня забинтовала ей брюшко и всеми силами старается как-то помочь. Старая нянька, большая сплетница, что-то говорит, указывая на молодую горничную, на которую с гневом налетает барыня с башмаком в руке. Мальчишка-казачок, разинув рот, со страхом смотрит на эту сцену. Маленький сынишка, подвернувшийся матери не вовремя, поставлен на колени с приказанием долбить урок; вместо этого он, изловив за хвост одну из собачонок, старается привязать к нему бумажку. Девочка-дочь, бросив куклу и держась за выдранное матерью ухо, с плачем кидается к отцу, ища защиты, который, в свою очередь, схватив стакан чаю и бутылку рому, убегает от этой кутерьмы; по дороге он встречает третью собаку, которая получает от него такого пинка, что взлетает на воздух. В дверях, ведущих в соседнюю комнату, виден ветеринар, с изумлением и страхом останавливающийся в раздумье, войти ему или нет.

На втором рисунке – Фиделька уже околела. Барыня с горя не на шутку захворала и слегла в постель, возле которой

на задних лапках стоят две собачки, просясь на перину. На груди у барыни поместилась новая любимица, сменившая незабвенную Фидельку курчавая болонка. Все трое визжат и воют, а выведенный из себя их визгом и воем хозяин дома замахивается на неугомонных подсвечником. Две дамы, приехавшие навестить больную, с участием заглядывают к ней за ширмы, причем одна из них плотно зажимает себе нос платком; но больная, лежа с полуоткрытыми глазами, притворяется, что не замечает этих посетительниц. Посреди комнаты доктора-немцы, созванные на консилиум, обсуждают положение пациентки и жестоко критикуют рецепты, которые прописывал ей русский военный медик. Только один из этого ученого сонма, молодой, падкий до женщин эскулап, не принимает участия в консилиуме, его внимание отвлечено хорошенькой горничной, которая окуривает душистою смолкой пространство вокруг убранного цветами, но уже не совсем свежего трупца моськи. Направо от зрителя толпятся художники, явившиеся в надежде получить заказ на живописное или скульптурное изображение Фидельки. Хозяйский сынок, расположившись на полу, с любопытством рассматривает их портфели. Между тем живописец, в чертах которого нетрудно узнать самого Федотова, уже сидит за мольбертом и чертит портрет околевающей собачки, с умыслом приукрашивая натуру. В дверях виден лакей, несущий бумагу и перья для консультантов; его останавливает гробовщик, сующий ему в руку деньги с просьбою своевременно изве-

стить о кончине барыни, если таковая последует.

Вот еще картина, сепией. Она вводит нас в модный магазин, в котором можно увидеть разные типы современного общества и где разыгрываются разнообразные сцены мелких людских страстей. Наружность магазина блестит богатством и изяществом: стены снизу доверху завалены всякими товарами, прилавки украшены бронзой, приказчики ловки и приветливы; зато в незаметных местах, под прилавками и за ними, — пыль и следы неряшества: стоит полуштоф водки, валяются недоеденная колбаса и краюха черного хлеба. На переднем плане муж уговаривает жену быть поэкономнее и в доказательство невозможности удовлетворить ее прихоти открывает свой пустой бумажник и записную книжку, но советы его лишь раздражают супругу: она, в сердцах, сердясь на мужа, кинула на пол только что сделанную покупку. Позади этой четы толстая женщина, заставив приказчика лезть за товаром на верхнюю полку, тайком упрячивает в свой пространный ридикюль кусок кружева. Посредине пожилой военный, глубоко вздыхая, достает из бокового кармана деньги для уплаты за покупки молодой жены, а их так много, что ливрейный лакей, несмотря на свое атлетическое сложение, едва в силах держать всю их массу. Сынишка этой неравной пары, увидев за стеклом игрушки и лакомства, дергает мамашу за платье и просит купить и ему что-нибудь; но ей не до него: она встретила в магазине молодого улана, одного из своих обожателей, и украдкою принимает от него любовную

записку. Франт-адъютант внимательно исследует прочность и добротность дамских чулок с видом: «Nonni soit guî mal y pense»², которые, вероятно, поручила ему купить командирша. Тут же отцветшая красавица, не решаясь прямо спросить у приказчика то, что ей нужно, объясняется с ним знаками; но сметливый парень понимает ее и без слов: он подает ей «rouge végétal» и жемчужные белила. В глубине видна каморка с раскрытою дверью: там хозяин магазина совещается с чиновником о какой-то деловой бумаге, очевидно очень важной, так как из-за нее пришлось выставить гостю бутылку шампанского. В числе посетителей магазина Федотов представил самого себя, в лице художника, зашедшего туда за покупками. Две собаки дополняют картину: одна комнатная, прикрытая по случаю стужи нарядною попонкою, а другая – простая дворняжка; последняя, в удивлении от необыкновенного костюма первой, ворчит на нее из-под салопа своей хозяйки.

Одно время, надеясь поправить свое материальное положение, Федотов задумал издавать вместе с художником Вернадским художественно-литературный листок вроде издания Говарни. Федотов хотел назвать этот листок или «Вечером вместо преферанса», или «Северный пустозвон», но, неизвестно почему, это предприятие так и осталось только в проекте, хотя для него было изготовлено множество рисунков, из числа которых назовем следующие: «Капитали-

² Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает (*фр.*).

сты» (двое приятелей играют при догоревшей сальной свече. – Купи свечу, ты выиграл! – говорит один. – Нет, посылай ты за свечкой, я тебе сотру пятьдесят тысяч, – отвечает другой); «Гастроном» (господин, кушающий с кислою мignon кусок рыбы; подпись: Что это, Леночка, какая дурная сеvрюга! Вот вчера вечером у Ивана Петровича ел я сеvрюгу – вот так сеvрюга! – Жена: А сколько ты там вчера проиграл? Муж: Безделицу! Десять целковых. – Жена: А сколько мне дал на расход? – Муж: Трехрублевый!..); «Нежный супруг» (говорит с видом сожаленья жене: Ну, Катенька, я думал, что ты будешь к празднику с обновкой, а выходит – нет. Представь себе, несколько дней все катерны да катерны, а не прошел ни одного разу!). Всех рисунков было более тридцати. Они отосланы г-ном Вернадским семейству покойного. В альбоме, находящемся у П. И. Реслера, остались многие превосходные рисунки Федотова, писанные акварелью, из которых некоторые особенно замечательны по своей экспрессии и законченности. Вот они. Немец, объясняющий во время холеры мужику опасность есть лук, огурцы и квас, – тут Федотов соединил все, что может произвести холеру. Большая картина с множеством фигур «Гулянье в Москве во время дождя». «Домашний вор» – тут Федотов изобразил мужа, который, проиграв у себя на вечере все деньги, тихонько вынимает из бюро жены очередные, и она ловит его на месте преступления. «Сострадание» – мальчик натравляет на прохожего собаку, между тем как какой-то сибарит любит

этой сценой из окна, попивая пунш и покуривая папироску. «Брань под Смоленским»³, «Брань под Красным»⁴ – обе сатирические. «Милосердие», прекрасный оконченный рисунок акварелью, состоящий из двух фигур. Передняя у одного известного человека – прекрасно исполненная акварель, на которой изображены в живописных группах многие товарищи Федотова. Слуга, покупающий у разносчика щетку, юмористический рисунок акварелью. Кроме того, эскиз с подписью: «Господа, женитесь, пригодится», – где представлена молодая женщина, ведущая нетрезвого человека с помощью детей. В рисунке, очень остроумно названном Павлом Андреевичем «Мышеловкой», потому что на первом плане нарисована мышь, бегущая в западню, на кусок говядины, изображена целая драма: вы видите перед собою сырой, смрадный подвал, от стен которого отвалилась штукатурка, и в этом подвале, в самой темной глубине, – большую старуху, приподнявшуюся на кровати и кашляющую. Выражение ее страдальческого лица так естественно, что вам как будто слышится этот болезненный кашель. Со старухи взгляд ваш переходит на благородное, миловидное лицо молодой девушки. Бедняжка сидит, уныло склонив голову, и в раздумье царапает ножницами гладильную доску, слушая шепот толстой сводни, которая, показывая ей богатые подарки, уговаривает ее, обещая всевозможные блага. В отворенную

³ кладбищем

⁴ полем

дверь подвала виден и сам претендент на молодую швею, награждающий дворника в ожидании успеха посольства.

Федотов П.А. «Господа, женитесь, пригодится» Середина 1940-х гг.

Переходим от этой картины к следующей: «Художник, женившийся без приданого»; та же самая обстановка бедно-

сти, тот же холодный подвал с окнами, занесенными снегом, с одиночными летними рамами. По стенам вместо всяких иных украшений висят неоконченные картины, сделанные в лета молодости, полной надежд, свидетельствующие о несомненном сильном таланте, а между тем этот же самый художник, уже состарившийся, пишет вывеску, закутанный во фризовую шинель, обернув от холода голову полотенцем. Из сломанной, вытертой шляпы, лежащей около живописца, выглядывает полуштоф. Чтобы выжить худых плательщиков из квартиры холодом, дворник уносит вьюшки от печи, для которой вместо дров кухарка ломает последнюю раму от картины. На столе лежит полуодетый умерший младенец. Но это только первый акт не имеющей свидетелей драмы, первое звено несомой художником жизненной цепи. Исхудалая мать, которая и среди нищеты остается столь же благородной и честной, с испуганным видом спрашивает у маленького сына, показывающего ей украдкой, из-под полы, серебряный чайник, как он мог ему достаться, а тот радостно указывает ей на дверь... Лицо изображенного на этой картине художника – живой портрет самого Павла Андреевича Федотова.

Говоря об альбоме А. И. Бегрова, принадлежавшем прежде Федотову, из сорока семи карандашных рисунков назовем следующие:

- 1) Квартальный надзиратель стоит перед выручкою⁵

⁵ Выручка – прилавок, стол с ящиком, сундук в лавке, где хранятся деньги

овощной лавки. Купец, стоящий за выручкою, приподымает с нее корзину, нагруженную съестными припасами. Подле выручки лежит на двух бочках лоток с балыком.

Подпись: Ты, Тихоныч, тоже на пробу и балычок положи!

2) Длинноволосый юноша-живописец в рабочей блузе стоит перед мольбертом с картиной и затягивается сигарой, опершись коленом в стул и закинув голову назад.

Подпись: Нет, не выставлю! Не поймут.

3) Крестьянская девушка, оставив пряжу, вычесывает гребнем для льна лежащую на ее коленях голову молодого парня, раскинувшегося на скамье, почесывающегося одной рукой и держащего в другой балалайку.

Подпись: Деревенская любовь.

4) Федотов во фраке стоит перед столом и, смотрясь в находящееся перед ним зеркало, надевает парик себе на лысую голову.

Подпись: Теперь невест сюда! Невест!

5) Господин, бросившись на колени перед перезрелой девой, целует ей руку.

Подпись: Ах, Поль! Это было всегдашнее мое желание.

6) Квартальный надзиратель роется в заднем кармане своего мундира; привезший его извозчик почесывает себе затылок.

Подпись: Ах, братец, кажется дома забыл кошелек.

7) В сапожной лавке один господин примеряет сапоги, ко-

торые подает ему приказчик. В дверях какой-то оборвыш, вынимая из-за пазухи бумагу, просит подаяния.

Подпись: Служа несколько лет в пехоте, во флоте, в артиллерии и кавалерии, по слабости здоровья и несправедливости начальства должен был выйти в отставку, обременен семейством... Будьте благодетелем!

8) Трое игроков оставили на время карты. Один потирает себе поясницу, другой схватился за голову, а третий, сидя за ломберным столом, наливает из графина чарку водки.

Подпись: 1. Чорт знает с чего ужасно голова болит... мочи нет. 2. Уф, как поясница болит! И с чего бы? 3. Я полагаю, господа, это наш петербургский климат. Здесь все страдают геморроем.

9) Девочка надевает чепчик на Федотова, сидящего в халате на стуле.

Подпись: Ах, папаша! Как тебе идет чепчик! Правду мамочка говорит, что ты ужасная баба.

10) Франт, стоя у забора, смотрит на видимую из-за угла улицу. Над головой его прибитая к забору дощечка с надписью: Продается пустопорожнее место.

11) Мать уговаривает девушку, сидящую на стуле в позе отчаяния.

Подпись: Мать: Да решишь, душенька, дай ему слово!
Дочь: Да как же я могу решиться, когда я его терпеть не могу? Мать: Э, глупенькая! Да я разве любила твоего батюшку-то, а ничего, слава Богу, тридцать лет прожили.

Этот альбом, судя по цензурной пометке от 22 июля 1856 года, был, вероятно, предназначен к выпуску. Все эти рисунки, сорок семь штук, были собраны приятелем Федотова, Ф. С. Пасиным, а право на издание их приобрел Семечкин, который, однако, успел выпустить только десять рисунков, исказив их прибавлением ненужных, собственного изобретения, аксессуаров и дополнений.

У А. И. Сомова 51 карандашный рисунок и две акварели, в числе их:

1) Один известный русский архитектор, любящий прилгнуть, изображенный в карикатуре.

Подпись: Исаакиевский собор? О, это я тоже начал строить! Да не стоит – передал Монфerrану.

2) Офицеру во время учений солдат зашивает разорвавшиеся штаны.

Подпись: Как хорошо иметь в роте портных!

3) Г. Ш. кушает на похоронах.

Подпись: Упокой, Господи, душу усопшего раба!

Кроме этих лиц еще следующие обладают каждой изрядной коллекцией федотовских рисунков: Л. М. Жемчужников, у которого находится в числе прочих эскиз сепией «Мародеры в русской деревне в 1812 году»; К. Н. Званцов; Г. В. Дружинин, у которого собраны почти все этюды к картине «Приезд жениха»; г-н Вановский и у. Н. Титов. Кроме того, у В. М. Жемчужникова находится неоконченная картина «Игроки», выполненная масляными красками.

В эскизе «Крестины» Федотов изобразил бедную комнату, разделенную на два отделения ситцевым пологом. На постели сидит родильница и, вынув из корзины, служащей вместо колыбели, младенца, собирается кормить его, но появление мужа приостанавливает ее. В смятой старой шляпе, в засаленном фраке с продранными локтями, отец горделиво держит над головой в каждой руке по бутылке клико, между тем как четверо детей его спорят и ссорятся из-за куска белого хлеба. Вместо дров кухарка собирается топить печь бумагой, стружками и обломками старой мебели. По лицу отца семейства заметно, что он в полном восторге от своей покупки и ни на что прочее не желает обращать никакого внимания.

В «Жатве на чужой счет» Федотов представил веселое мужское и женское общество, которому прислуживает франт камердинер, завитой, в усах, с эспаньолкой и в башмаках. В то же время в передней виден другой слуга, который забирает на книжку у разносчика фрукты, печенья, а третий выпроваживает невежливых кредиторов толчками.

Чрезвычайно любопытен эскиз «Утро обманутого молодого». Молодой в отчаянии схватил себя за голову; молодая на коленях перед ним умоляет простить ее. Федотов, поясняя эту картину, написал к ней стихотворение, которое, к сожалению, затерялось, за исключением стихов, вложенных им в уста молодого:

Не серди меня речью пошлою,
Не стыди меня страстьюпрошлою
И не лей ты слез исподлбия.
В тебе прошлого нет подобия!
Где кудрей твоих волна длинная,
Грудь лилейная и высокая...

Все эти эскизы, как и многие другие, отличались необыкновенною верностью и правдивостью, и, кроме того, в них ясно просвечивала индивидуальность художника, что всегда так дорого для искусства. В этом отношении Федотов представлял редкое и счастливое исключение из числа наших тогдашних художников, полагавших все свое спасение в слепой подражательности антикам и за этим кумиром просмотревших русскую жизнь и нараставшие и все громче и громче звучащие голоса, требовавшие национального, а следовательно, и жизненного искусства.

Академия в то время была чрезвычайно строгой и замкнутой школой, в которой обучение искусству никак не связывалось с жизнью и ее насущными потребностями. Довольно вспомнить о том, как даже самые талантливые ее представители, такие как К. П. Брюллов, учились, а потом и учили других рисовать, а главное – видеть натуру.

Сохранилось чрезвычайно любопытное воспоминание Мокрицкого, ученика Брюллова, а потом преподавателя Московского училища живописи и ваяния, о том, как Брюллов учил рисовать с натурщиков. Вместо того чтобы строго

копировать натуру, он советовал подражать антикам; вместо какого-нибудь Тараса – видеть Аполлона, вместо мальчишки Григория – Гименея и так далее.

Неудивительно, что присяжная критика наша, воспитанная на подобном отношении и ничего другого не видевшая и не понимавшая, пела в унисон, а потом проморгала появление Федотова и не поняла его значения в истории русской живописи.

Спешим оговориться, что к числу присяжных критиков мы не относим тех людей, голоса которых в то время раздавались в печати и указывали на Федотова как на представителя нового направления в русском искусстве; такие люди были слишком неавторитетны и хотя и выражали мнение большинства нашей публики, но, к сожалению, все это было так а priori бездоказательно, основываясь всегда на личных вкусах и симпатиях, что поневоле их мнение нельзя было принимать в расчет. Между тем присяжные наши критиканы вопияли и разрывались на части по поводу успеха картин Федотова, с ужасом предсказывали чуть ли не гибель всего русского искусства и заклинали всеми святыми остерегаться подобного направления.

В ряду таких отзывов особенно замечателен отзыв профессора Леонтьева, помещенный в погодинских «Москвитянях» за 1850 год. Как истый классик Леонтьев, конечно, ничего серьезного не видел у Федотова и, кроме того, признавал все его попытки очень вредными для искусства.

Он находил здесь лишь упадок увлечения, высокого изящества, гениального богатства мыслей и истинно художественного, спокойно-восторженного мирозерцания... Федотова он никак не мог сравнить с нидерландскими жанристами и Хогартом, поскольку у него не было их «наивности», но вместо того – «злоба и сатирическая насмешка над изображаемыми лицами» и, главное, поскольку у него «изображена действительность, как она есть». Все сделанное Федотовым он признавал «современным и временным» и объявлял, что это направление не может развиваться у нас во всей его безотрадной чистоте: в христианском обществе нет для него места. На каком основании профессор Леонтьев решал такие этические задачи и почему для христианского общества вредно и не нужно подобное направление в искусстве – вопрос остается открытым, и на вопросы эти, можно смело предполагать, сам глубочайший московский классик не сумел бы ответить!

Подобных критиков с легкой руки Леонтьева впоследствии развелось чрезвычайно много, и, начиная с Федотова, они обругивали и осмеивали всякого новатора в деле искусства, всякую жизненную и правдивую попытку, всякий шаг, уклоняющийся от условности и фальши, так сильно привившихся в стенах нашей рассадницы искусства – Академии – и в умах и чувствах нашей интеллигенции.

Нужно отдать справедливость Академии, что, несмотря на царившие в ней классицизм и романтизм, она не только

не задавила талант Федотова, но даже, благодаря своему талантливейшему профессору, поощряла деятельность этого человека. Брюллов, как видно, не был лишен известной доли прозорливости и хотя сам не понимал реального направления в живописи и не сочувствовал ему, все ж таки находился несравненно выше в понимании прогресса и роста в искусстве, чем наши ученые и неученые критики, а потому не был лишен чуткости и сочувствия к явлениям, подобным художественной деятельности Федотова. В этом отношении его заслуга перед русским искусством очень высока, и можно смело сказать, что только благодаря ему русское искусство вышло на новую, самостоятельную дорогу и получило возможность гордиться таким художником, как Федотов, а за ним – целой фалангой блестящих живописцев, учившихся на примере Федотова правде и искреннему, неподдельному чувству.

Глава IV

Поездка в Москву. – Успех Федотова. – Устройство семейных дел. – Возвращение в Петербург. – Задуманные новые работы: «Приезд Государя в институт», «Возвращение институтки домой», «Мадонна с младенцем» и «Вдовушка». – Воспоминания Дружинина и Лебедева об этой картине. – Начало болезни Федотова. – Полная нищета его семейства. – Копии. – Сумасшествие. – Посещение друзьями Федотова в сумасшедшем доме. – Смерть.

Федотов П.А. Вдовушка (второй вариант) 1851—1852

В то время как в Петербурге Федотову начинало улыбаться будущее, в Москве дела его семейства становились все хуже и хуже. Престарелый отец его вынужден был выйти в отставку, вследствие чего вся тяжесть содержания семьи легла на Павла Андреевича. Это вынудило его самого отправиться в Москву для хлопот по поддержанию ее материального благополучия. Отправляясь туда, он говорил друзьям, что едет очень ненадолго, но между тем пробыл там четыре месяца. Причиной такого долгого пребывания в Москве была кроме хлопот по семейным делам еще выставка, которую он устроил в Растопчинской галерее из своих картин, эскизов и рисунков.

В числе его работ на этой выставке были: «Разборчивая невеста», «Мышеловка», «Художник в старости» и «Последствия пирушки».

В Москве среди публики эти вещи произвели не меньший фурор, чем в Петербурге. Вот как сам Федотов в одном из писем к друзьям описывает свой успех:

«Мои картинки производят фурор, и мы помышляем устроить маленькую выставку из моих эскизов и конченных работ. Новым знакомствам и самым радостным, теплым беседам нет конца. В участии моего отца и сестры-вдовушки первые лица в городе приняли участие; с Божьей помощью

я надеюсь, что их обеспечат навсегда. Я решаюсь еще полениться немножко, потому что в этой суматохе нельзя работать. Каюсь здесь, кстати, в одном прегрешении: моя стихотворная безделушка ходит по рукам, и меня часто заставляют ее читать. Знаю, что вы меня выберете по приезду; ну, да уж делать нечего».

Эта «стихотворная безделушка» был известный рассказ в стихах, написанный Федотовым: «Сватовство майора, или Поправление обстоятельств». Этот рассказ ходил в рукописях почти по всей России, но вследствие цензурных условий не мог быть тогда напечатан. Впервые в отрывках он был напечатан в «Пантеоне» (1854), а в целом виде появился в печати почти через двадцать лет после смерти художника в «Русской старине» Семевского (1872).

Возвратясь в Петербург из Москвы, Федотов казался довольным, веселым и помолодевшим. О радушии московских жителей он не мог вдоволь наговориться и даже начал было поговаривать о хорошенькой невесте, которую ему там сватали.

По возвращении для Федотова началась опять трудовая жизнь. Голова его вновь была занята новыми сюжетами. Особенно занимала его мысль написать картину, изображающую приезд Государя в *** институт.

«На этой картине Федотов имел в виду изобразить сотни детей и взрослых девушек, но изобразить так, чтобы зрителю эти дети и взрослые девушки казались существами знакомы-

ми и где-то виденными. На подготовительных его трудах по этому случаю можно было увидеть действительно изобилие женских и дамских типов, начиная от здоровой, кудрявой резвухи до задумчивой девушки и от грациозной малютки до совершенно развитой девицы в полном цвете правильной, строгой и даже несколько холодной красоты. Так как Федотов имел знакомства во многих семействах и мог время от времени ездить в институты, то за оригиналами не могло быть остановки; но где найти место действия, большую залу с колоннами, постелями и освещением от бесчисленных окон? Эту обстановку и освещение нужно было иметь перед глазами каждую минуту, между тем как беспрестанные посещения института оказались бы невозможными. Подумав немного, наш художник решился в своей комнате устроить институтскую залу с помощью картона, палочек и глазированной бумаги. Около двух недель он сидел, размеривал по масштабу, клеил, раскрашивал и резал, и наконец плодом его усилий вышла большая белая коробка с прорезанными окнами; внутри коробки, открытой сбоку, помещались белые колонны и ряды кроватей. Каждая колонна обклеивалась бумагой под мрамор; каждая кроватка отделялась, как будто для игрушки».

К сожалению, все хлопоты и труды, связанные с подготовлением этой картины, пропали даром: она не была написана. Единственным воспоминанием о ней, кроме рисунков, осталась басня «Два цветка», помещенная еще при жизни Федо-

това в фельетоне⁶ газеты «Русский инвалид».

Здесь, нам кажется, будет удобно указать на другие стихотворные опыты, которым Федотов отдавал свои свободные минуты. Эти басни, песни и романсы, как мы уже говорили раньше, не отличались изяществом формы и стиха, больше того, форма их в большинстве случаев тяжелая, дубовая, рифмы притянуты друг к другу самым насильственным образом; но тем не менее все они дышат самым непосредственным чувством, а порою блещут неподдельным остроумием и веселостью.

Большинство этих произведений напечатано в «Пантеоне» за 1854 год, к которому мы и отсылаем наших читателей, интересующихся музой Федотова.

Из басен его особенно замечательны «Тень и Солнце» и «Пчела и Цветок». В обеих этих баснях выражена мысль, что человек, как бы он ни был одарен, живя и ведя борьбу в среде мало или совсем ему не сочувствующей, обыкновенно погибает жертвой этой среды, не имея возможности выказать свои дарования.

Другие басни его, например «Два цветка», «Садовники», «Конь», или решают какие-нибудь нравственные вопросы, или же, как, например, «Усердная Хавронья», являются как бы парафразой крыловских басен, которые так любил наш художник.

Одно время Федотов в форме стихосложения старался

⁶ Фельетон – листок, отдел рассказней в газете (*Словарь В. Даля*).

подражать русским народным песням. Из таких опытов приведем здесь одно очень грациозное стихотворение под названием «Куку»:

На дубу кукушечка,
На дубу унылая
Куковала.
Куку, куку – куковала.
Под окошечком девица,
Под окошечком красная
Тосковала.
Куку, куку – тосковала.
Ноет сердце девицы,
Что не любит молодец,
Как бывало.
Куку, куку – как бывало.
Но долга ль грусть девицы?
В год тоска, печаль ее
Вся пропала.
Куку, куку – вся пропала!
И с другим, счастливая,
Под венцом задумавшись,
Уж стояла!
Куку, куку – уж стояла.
Через год кукушечка
На гнезде, на новеньком,
Куковала.
Куку, куку – куковала.

Сам Федотов никогда не признавал за собой литературных способностей, доказательством чему служит приведенный выше отрывок из его послания, названного «К моим читателям, стихов моих строгим разбирателям». На свои литературные опыты он смотрел как на «безделушки» и потому никогда не гнался за чистотой отделки; писал он обыкновенно по просьбе приятелей и знакомых, для альбома какой-нибудь знакомой дамы или же в минуты отдыха; вероятно, существует немало федотовских стихов, которые никогда не были и не будут известны публике.

Но, занявшись литературными опытами художника, мы забыли, или, скорее, отвлеклись, от прямой нашей задачи.

В числе задуманных картин была также одна, сюжет которой художник определял как возвращение институтки домой. Федотов никак не мог решить, как ему воплотить этот сюжет: то он хотел представить всю сцену, не вдаваясь в тенденциозность, то останавливался на мысли представить ужас и разочарование институтки, привыкшей к довольству и чуть ли не роскоши, при виде бедности и нужды, царящей в доме ее родителей.

В последние два-три года его жизни направление художественной деятельности Федотова заметно изменилось.

Устал ли он вечно давать уроки морали или, может быть, его больше не удовлетворяли сатира и насмешка над общественными нравами, только он стал пробовать себя на сюжетах, имевших или религиозный, или грустный, сентимен-

тальный характер.

К таким его вещам принадлежат эскиз «Мадонна с младенцем» и известная картина «Вдовушка».

С последней картиной произошла такая же история, как и со «Сватовством майора». Любопытно, что здесь имели место тот же процесс творчества, та же щепетильность Федотова в выборе натуры! То же беганье, то же изучение, та же наблюдательность оказались необходимыми и в данном случае, но результаты получились не те! «Вдовушка», несмотря на все свои достоинства, стоит несравненно ниже не только «Сватовства», но даже «Утра чиновника» и «Разборчивой невесты».

Вот как рассказывает приятель Федотова, Лебедев, о том, каким образом наш художник собирал наблюдения и изучал сюжет своей картины:

«Раз, это было в августе... он приезжает ко мне на дачу, в Царское Село, и после первых слов спрашивает: „А где твои дети?“ Когда вбежали три резвых мальчика, которые, коротко зная художника, вскарабкались к нему на колени и начали тормошить гостя, – Федотов успел усмирить их шаловливые порывы и долго всматривался в смеющиеся лица шалунов. В особенности внимательно смотрел он на виски и потом, обратясь ко мне, прибавил: „Вот где природа женщины сходится с природой детей: посмотри на эту нежную кожу, просвечивающиеся жилы, неопределенную синеву тела; вот природа, да только природа трудная, неуловимая...“ Наигравшись

с детьми, Федотов отправился со мною в дворцовый сад, был весел, шутлив, но беспрестанно повторял, что у него есть теперь для вдовушки лоб и виски, но недостает еще любящих глаз...»

Случай особенно благоприятствовал художнику в этот вечер; на музыке в Павловске ему удалось встретить и наблюдать особу, имевшую все те данные, которые он так долго искал.

На другой день картина была начата, но долгое время не удавалась художнику. Он не мог остановиться на каком-то конкретном выражении глаз вдовушки, то хотел придать им оттенок созерцательной грусти, то медленной безотрадной тоски; в то же время его стеснял и затруднял колорит и иные технические трудности, которые он хотел непременно победить. К числу таких трудностей относилось двойное освещение: от свечи и от окна, из которого льется ровный серый свет раннего петербургского утра.

По рассказу того же Лебедева, Федотов приписывал свою победу над этими трудностями тому, что увидел во сне своего любимого профессора, Брюллова, который ему указал способ победить их. Лебедева поразили при этом кроме расстроенного вида художника, изможденного его лица еще и тот жар, с которым он утверждал, что подобные сновидения вполне возможны:

«Вы все, господа любители, готовы улыбаться и считать это дело мечтою воображения, и подчас воображения рас-

строенного; но мы, художники, можем дойти до такого состояния духа, когда беседа с отжившими для нас более чем возможна!...»

По поводу той же картины Дружинин рассказывает случай, в котором ярко выразилась вся натура Федотова, его щепетильное и добросовестное отношение к своим трудам. Художник Жемчужников, любясь отделкой «Вдовушки», сказал Федотову: «Как это хорошо и как просто!» Павел Андреевич на это ответил весьма метко: «Да, будет просто, как поработаешь раз со сто».

Этот ответ может оценить всякий, кто мало-мальски знаком с техникой искусства и кто ищет прежде всего правды. Нет ничего проще и лучше правды, а сколько труда, сколько волнений требуется для полного выражения ее! Тут мало выразить, поймать ее в главном: все до последней мелочи должно быть правдиво и, кроме того, выяснять и дополнять общий смысл и настроение картины. Федотов именно таким образом и понимал задачу искусства, и действительно, в его картинах вы нигде не встречаетесь с той массой ненужных деталей и аксессуаров, которые мы так часто встречаем в картинах других художников; ни убавить, ни прибавить ничего нельзя: мысль у него выражена совершенно полно!

Усиленные занятия, а также постоянная тревога об участи отца и сестер не могли благотворно влиять на здоровье Федотова. Уже вскоре после приезда из Москвы друзья его, несмотря на видимую веселость Павла Андреевича, стали за-

мечать в нем тревожные признаки развивавшейся болезни. Головные боли, болезнь глаз, которые он лечил совершенно своеобразно, а кроме того, нервное расстройство и бессонница, приобретенные им еще в молодости, были достаточно угрожающими симптомами.

Как большая часть людей, ум которых находится в постоянной работе, Федотов любил мертвую тишину ночью, и малейший шум совершенно лишал его сна. Однажды один из его товарищей уговорил его ночевать у себя; но когда все в доме улеглось, Федотов заметил, что какие-то часы щелкают над его головой. Этой причины было совершенно достаточно, чтобы лишить его сна, пока наконец ему не удалось «схватить часы за хвост», то есть за маятник, и остановить их. Оставалось только захрапеть, но Федотову пришла на ум мысль, что часы, с которыми он так бесцеремонно расправился, конечно, самые верные в доме и что служитель, вероятно, будит по ним хозяина, который может вследствие их остановки опоздать на службу, получить выговор и т. п. На силу Федотову удалось растолкать лакея, объяснить ему, в чем дело, и, вернувшись на свое место, заснуть.

Непрерывная жгучая деятельность мозга истощила организм нашего художника, и хотя на вид он был крепок и силен, люди, которые его знали в продолжение многих лет, могли ясно видеть разницу в его физическом состоянии прежде и теперь. Годы усиленного труда и мозгового напряжения надорвали силы Федотова, но, несмотря на это, он продолжал

так же усиленно работать, надеясь на себя и на свою энергию. Напрасно лучшие его друзья, видя его утомление, советовали ему отдохнуть, – он не слушал их, постоянно твердя, что он не понимает жизни без упорного, усидчивого труда, что он лично не имеет права на такой отдых, что на его руках голодная семья, и, кроме того, он обязан напомнить о себе публике, так как прошел целый год, в который ему не удалось выставить ничего, а публика никогда не прощает подобного к ней отношения и готова приписать это причинам, ничего общего с правдой не имеющим. «Свет сердится, – говорил он, – когда от него отдаляешься, а я не намерен ссориться со светом».

За все время своей художественной деятельности, со дня выхода в отставку, Федотов позволил себе только два раза насладиться полным отдыхом: во время первой выставки картин, успех которых заставил его на короткое время бросить палитру и краски и прислушиваться к отзывам печати, и – во второй раз – во время поездки в Москву, где за хлопотами по устройству семейных дел и из-за массы новых знакомств он поневоле не имел времени работать.

Скорбная, тяжелая мысль о положении родной семьи заставила его взяться за копии со своих картин. Дружинин уверяет, что сам Федотов не мог глядеть на них без терзаний, но должен был их делать в силу необходимости, принимая в расчет и время, и деньги, так как, копируя, ему не требовалась натура, и делать копии можно было гораздо скорее, чем

писать новые картины. Но, несмотря на такие жертвы, Федотову не удалось спасти семью от разорения: домик, в котором он родился, был продан за долги, и с его продажей средства семьи более чем наполовину уменьшились; она впала в совершеннейшую нищету, и сам Федотов не видел никакой возможности выбиться из такого положения.

Надрываясь под бременем собственного существования и существования близких ему лиц, он, как мы уже сказали, получил зачатки той болезни, которая свела его преждевременно в могилу.

Признаки ее начали обнаруживаться весной 1852 года.

В мае его посетил Лебедев и был поражен его худобой и задумчивостью, но в особенности его поразила басня «Слон и Попугай», которую Федотов прочитал ему.

Эта басня отличалась, по словам Лебедева, необыкновенной странностью основной мысли и беспорядком в сочетании идей. Лебедев откровенно высказал свое мнение о ней, на что Федотов возразил, что он уже не раз слышал эти упреки в странности, и спросил, неужели он стал большим чудачком, чем был прежде. При этом глаза его как-то лихорадочно горели, но улыбка была все такая же кроткая и приятная. Во время этого посещения Федотов много говорил о предстоящей выставке и о том, что после нее он поедет в Москву на отдых. «Потому, – прибавил он задумчиво, – что я начинаю уставать».

Летом болезнь Павла Андреевича начала мало-помалу

развиваться. Федотов сделался мрачнее, был молчалив, и с его уст все реже и реже срывались меткие слова, удачные сравнения. Он часто бывал у М. А. Половцева, с которым его познакомил гравер Вернадский и куда он ходил, как он выражался, «отогреть душу», но вместо прежних остроумных рассказов, веселых разговоров он или мрачно молчал, или садился за фортепьяно и пел разные романсы, которые прерывал часто припевом, притом совершенно неожиданным:

Брожу ли я,
Пишу ли я,
Все Юлия да Юлия!
Веселья чашу братскую
С друзьями разопью ли я,
И громко песню хватскую
С гитарой пропою ли я...
Все Юлия, все Юлия...
Невольню повторишь...
Ну, вот, поди ж! —

и опять продолжал начатый романс, как будто этот припев был необходим для всех романсов, распеваемых им в то время, хотя эта музыкальная шутка была написана им для гитары и фортепьяно несколько лет назад. Безотчетная тоска, которая, по рассказам близко знавших его людей, никогда прежде его не посещала, часто стала его мучить, прерываясь иногда порывами самой неожиданной и бурной веселости.

С середины лета болезнь совершенно овладела Федотовым. В продолжение нескольких дней он бродил по Петербургу и окрестностям, заходил в магазины, покупал разные драгоценные вещи для какой-то воображаемой им свадьбы, намекая на ожидавшее его величайшее счастье, и роздал все деньги, полученные незадолго перед тем за одну из копий, а также и те, которые были предназначены для помощи родным.

Друзья поспешили принять меры и донесли начальству Академии о развившейся болезни художника; после доклада государю, который приказал приложить все старания для излечения Федотова и определил на этот предмет пятьсот рублей, он был помещен в лечебницу для душевнобольных доктора Лейдесдорфа, на Песках.

Вероятно, этой лечебнице Федотов вместо поправления был обязан только усилением ужасной болезни. По крайней мере, мы имеем свидетельство таких вполне правдивых лиц, как художники Бейдеман и Жемчужников, которые, приехавши раз навестить Федотова, были поражены как помещением, в котором он находился, так и состоянием самого больного.

В прекрасном, чрезвычайно выразительном рисунке Бейдеман выразил то впечатление, которое произвела на него сцена свидания с Федотовым, и показал этот рисунок своему профессору, Маркову, который в свою очередь не преминул донести кому следует об ужасном положении больного.

Вследствие этого последний был переведен в больницу Всех Скорбящих на Петергофской дороге, где пять месяцев боролся с ужаснейшими страданиями.

Его сильный организм долго противился влиянию болезни, но могучая фантазия оказалась в этом случае для него губельной: во все время страданий мозг его работал с удвоенной силой и не давал ему ни минуты спокойствия, ни минуты благодетельного сна. Несмотря на такие страдания, память его настолько сохранилась, что он узнавал посещавших его друзей, расспрашивал об отсутствующих, чертил рисунки на стенах своей комнаты. Порою на него находило бешенство, и тогда он видел перед собой чудовищные сцены и образы; порою он воображал себя богачом, развивал перед собравшимися друзьями грандиозный проект превращения Васильевского острова в Афины, столицу искусства, с дворцами, садами, статуями и пантеонами...

По городу ходило много различных догадок и сплетен по поводу причин, повлекших за собой болезнь Федотова. Многие думали, что тут не обошлось без участия романических причин, и в подтверждение этого указывали на то, что перед тем как окончательно заболеть, Федотов часто упоминал какую-то Юлию, «все Юлия да Юлия», но мы знаем, что причиной его болезни была вовсе не «Юлия», а страшный, упорный труд и постоянная борьба с тяжелыми материальными обстоятельствами.

Дней за десять до своей смерти Федотов пришел в себя;

но эта видимая поправка не обманула опытных докторов, так как у Федотова ко всему прибавилась еще и водянка, быстро развившаяся и вконец подорвавшая силы нашего художника. Да и сам Федотов не верил в благоприятный исход, когда поручил своему верному другу-денщику Коршунову, ухаживавшему за ним во все время его болезни, дать знать своим друзьям, Дружинину, Лебедеву и Бейдеману, что он перед смертью желает с ними проститься. Но, к несчастью, эти лица не успели вовремя и приехали тогда, когда Федотова уже не было в живых. Причиной такого опоздания было то, что служитель, которому Коршунов доверил это поручение, получивши от него на водку, вместо того чтобы отправиться по назначению, попал в ближайший кабаk, а оттуда, за буйство, – в участок, где и просидел целый день, и только на следующий мог исполнить данное ему поручение.

Федотов умер на руках своего верного Коршунова 14 ноября 1852 года.

Через четыре дня, 18 ноября, по Петергофской дороге тянулась погребальная процессия, сопровождаемая огромной толпой друзей, художников, профессоров Академии и бывших однополчан покойного.

Над гробом никто не плакал, кроме старого денщика Коршунова, который потерял в умершем художнике не столько доброго барина, сколько человека, к которому он был привязан как к лучшему другу, с которым он жил душа в душу в продолжение более пятнадцати лет, которому он в продол-

жение этого времени более чем бескорыстно служил.

Но если над гробом слез никто не проливал, то каждый сознавал всю огромность понесенной потери, ибо Федотов был тогда единственным и первым представителем того национального направления в русской живописи, которое теперь, спустя сорок лет после его смерти, завоевало себе не только право гражданства, но стало единственно возможным и понятным для всех, кому только дороги судьбы русского искусства.

Федотов погребен на Смоленском кладбище, недалеко от большой церкви и в десяти шагах от могилы знаменитой русской артистки В. Н. Асенковой. Над его могилой стоит мраморный памятник, сооруженный на пожертвования его ближайших друзей и почитателей.

У Федотова после его смерти остались старик-отец и две сестры. Все трое жили в то время в городе Ростове, Ярославской губернии, и существовали, кроме скудного пенсионера старика-отца, на средства, добываемые одной из сестер, работавшей надзирательницей в богоугодном заведении. О том, что случилось с ними потом, мы никаких указаний не нашли.

Так жил и умер человек, про которого можно сказать, что он был живым олицетворением самого страшного, упорного труда, живым носителем правды и образцом для будущих русских художников. Он первый проторил для них ту дорогу, по которой так плавно и величаво, несмотря на множе-

ство препятствий, едет колесница русского национального искусства! И пусть пример Федотова, его горячее искание правды и новых путей для искусства вдохновляют и дальше ту плеяду прекрасных художников, которыми русское искусство и общество по справедливости могут и должны гордиться!

Федотов П.А. «Свежий кавалер, или Утро чиновника, получившего первый орден» 1846

Считаем нелишним привести сведения о том, где и у кого находятся картины Федотова:

в Московском публичном музее – «Сватовство майора», «Свежий кавалер, или Утро чиновника, получившего первый орден» и «Вдовушка» (копия);

у государя императора – «Бивак лейб-гвардии Павловского полка», «Бивак лейб-гвардии Гренадерского полка» (акварели) и картина масляными красками «Отставной воин, представляющий перед женой смотр войскам»;

в Михайловском дворце – «Возвращение великого князя Михаила Павловича в Красное село» (акварель);

у К. Т. Солдатенкова, в Москве – «Вдовушка» (оригинал);

у П. М. Третьякова, в Москве – «Вдовушка» (повторение);

у Г. И. Хлудова, в Москве – «Разборчивая невеста»;

у г-на Юзефовича – «Дворцовый гренадер в Финляндском полку».

Источники

1. *А. Дружинин*. Воспоминания о русском художнике П. А. Федотове. 1853.
2. *П. С. Лебедев*. Несколько слов о русском художнике П. А. Федотове. 1853.
3. *В. Толбин*. П. А. Федотов. Журнал «Пантеон». 1854.
4. *И. Можайский*. Несколько слов о покойном академике П. А. Федотове. «Отечественные записки». 1859.
5. *Витовский*. Воспоминания... «Русское слово». 1862.
6. *Петров*. П. А. Федотов и современное значение живописи бытовых сцен. «Северное сияние». 1862.
7. *Он же*. Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств. 1866.
8. «Русский художественный листок» *В. Тимма*. 1853.
9. *Маркова*. Свидание друзей с Федотовым в частной лечебнице. «Иллюстрированная газета». 1871.
10. *В. В. Стасов*. Тормозы русского искусства. «Вестник Европы».
11. *Он же*. 25-летие русского искусства. «Вестник Европы».
12. *А. И. Сомов*. Павел Андреевич Федотов. С. – Петербург. 1878.